

УДК: 100.7+100.37

Л. А. Сандюк,

канд. филос. наук, доцент,
Одесский государственный экономический университет,
кафедра философии;

А. Е. Патлатой,

магистрант,
Одесский государственный экономический университет

МЕТАМОРФОЗЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАПИТАЛИЗМА В ЗЕРКАЛЕ ФИЛОСОФИИ ПОСТМОДЕРНА

В статье рассмотрены особенности социально-экономических трансформаций в эпоху позднего капитализма и их отражение в дискурсе философии постмодерна. Проанализированы характеристики категории «превращенная форма» и ее роль в воспроизводстве общественных отношений. Описаны механизмы влияния принципа символического обмена на изменения роли человека в обществе.

Ключевые слова: социально-экономические отношения капитализма, философия постмодерна, превращенная форма, символический обмен.

Постановка проблемы. Категории рынка, рыночных отношений, капиталистического способа производства всегда привлекали внимание социальных философов и экономистов. Многие исследователи склонны фетишизировать эти понятия, рассматривать капитал как самоцель функционирования общества, забывая при этом об историческом характере любой общественно-экономической формации. Даже выдающийся экономический мыслитель Адам Смит апеллировал к определению «невидимая рука», которое неизменно ассоциируется с чем-то магическим, непостижимым. В этом смысле теоретическая система К. Маркса была во многом призвана «расколдовать» фетишизированный капиталистический мир. Однако классический марксизм, восходящий своими корнями к немецкой классической философии, не смог полностью принять и осмыслить противоречивость и неоднозначность марксовых открытий. По меткому замечанию Ж. Деррида, «Маркс с трудом переживал разлад собственных наказов и то, что одни из них непереводимы на язык других» [1, с. 53]. В то же время эпоха позднего капитализма, в которой, по мнению Фредрика Джеймисона, мы сегодня живем, позволяет проявиться еще большему количеству различных парадоксов и противоречий.

В этом смысле постнеклассическое понимание мира философией постмодерна выступило важным шагом к постижению многих вопросов, неподвластных классической логике. Синтетичность постмодерного способа мышления, многомерность подходов к изучению явлений, деконструкция «бинарных оппозиций» — все это усложняет видение окружающего мира, но в то же время позволяет тоньше улавливать специфику его трансформаций. Преследуя эту цель, философия постмодерна уделяет особое внимание роли бессознательных процессов в их связи с развитием масс-медиа и информационных технологий

А. А. Сандюк, А. Е. Патлатой

в процессе конституирования экономического бытия, дискурсивному характеру общественных отношений, влиянию культурных и социальных кодов на социально-экономическую динамику. Однако в тоже время следует учесть, что философия постмодерна является столь же неоднородным явлением, как и породившая ее культурно-историческая эпоха. Мы попытались использовать наиболее интересные наблюдения, позволяющие пролить свет на особенности социально-экономических трансформаций последних десятилетий.

Среди авторов, внесших наибольший вклад в изучение указанных явлений, можно выделить Жана Бодрийера («Общество потребления», «К критике политической экономии знака», «Зеркало производства», «Символический обмен и смерть»), Жюльена Делеза и Феликса Гваттари («Капитализм и шизофрения: Анти-Эдип», «Капитализм и шизофрения: тысячи плато»), Мишеля Фуко («Слова и вещи» и др.), Жака Деррида («Призраки Маркса», «Маркс и сыновья» и др.), Фредрика Джеймсона («Марксизм и форма; диалектические теории литературы XX в.», «Поздний марксизм: Адорно, или жизнеспособность диалектики»), «Постмодернизм, или логика культуры позднего капитализма»), Славоя Жижека («13 опытов о Ленине», «Устройство разрыва: паралаксное видение» и др.). Заметим, что теоретическое обоснование научного и методологического потенциала постмодерна дал Жан Лиотар в работе «Состояние постмодерна».

Целью данного исследования стали выявление и анализ движущих сил, способствовавших глубоким изменениям в социально-экономических отношениях общества позднего капитализма. Для достижения поставленной цели решались следующие **задачи**: рассмотрение категории «превращенная форма» и проявления сущностных характеристик сложных систем; анализ изменений общественных отношений в условиях развития производительных сил и экспансии символического обмена.

Итак, изучение динамики развития капиталистической системы позволяет сделать вывод о крайне изменчивой сущности этой общественно-экономической формации. Данная особенность связана, прежде всего, с наличием превращенных форм, которые, в соответствии с диалектическим учением, выступают неотъемлемым элементом континуума «бытие-сознание». Закономерности общественных отношений являются куда более сложными и неоднозначными, чем законы природы, и предполагают неизменную включенность и неотделимость человека от всех процессов их функционирования. По словам М. Мамардашвили, «превращенная форма видения действия системы изнутри ее самой [...] есть реально полагаемый вовне субъектов объект, определяемый отношениями системы как целого и из них черпающий свою жизнь, а не из акта понимающего индивида» [2]. С таким определением в некотором смысле соотносится категория идеального, охарактеризованная Э. Ильенковым как «форма вещи, но вне этой вещи, а именно в человеке, в виде формы его активной деятельности» [3, с. 221]. Идеальное у Ильенкова выступает отчужденной, превращенной формой продукта человеческой деятельности, как материальной, так и духовной.

Указанные особенности обуславливают тот факт, что превращенные формы в рамках общности коллективного сознания (или бессознательного) и социально-экономического бытия, семантического пространства все чаще начинают воспроизводиться в новых модификациях, развиваясь при этом по своим собственным, изменчивым законам. Они приобретают черты знака, для которого характерны внутренние противоречия между означающим и означаемым. С точки зрения догматического восприятия марксизма, такое утверждение может показаться весьма сомнительным. Как отмечает в этой связи Ж. Деррида, К. Маркс полагал, «что между призраком и действительно наличной реальностью [...] существует четкая граница», которую «необходимо преодолеть посредством ре-

Метаморфозы социально-экономических отношений капитализма

лизации, как реализуют утопию, т. е. посредством революции» [1, с. 58]. При этом Деррида намекает на то, что такое утверждение может быть характерно не столько для самого Маркса, сколько для «марксиста внутри Маркса», и особенно для «марксиста после Маркса». Поэтому, чтобы избежать догматизма, начиная со второй половины XX века, многие ученые, заметив глубокие изменения в рамках системы капитализма, осознали необходимость расширения теоретического поля социально-экономических исследований.

Однако первым, кто открыл это теоретическое поле, несомненно, был К. Маркс. Он понял, насколько многообразным и динамичным является капиталистический способ производства; поэтому, отказавшись от Оккамовского принципа «не умножать сущностей», стал творцом теоретической системы, отражающей многочисленные сложности и противоречия капиталистических отношений. Характеризуя философию К. Маркса, можно применить к ней следующий принцип, сформулированный известным философом и культурологом М. Н. Эпштейном: «Каждая дисциплина ищет не только предельных единиц, строительных частиц, атомов в своей области, но и таких методов их синтеза, которые расширяли бы набор самих изучаемых явлений» [4, с. 25].

Особое внимание в последний период творчества Маркс уделил исследованию финансового капитала, в рамках которого «все удваивается, утраивается и превращается в простой призрак» [5, с. 521]. При этом К. Маркс, оставаясь в каком-то смысле «марксистом», не смог до конца признать отсутствие принципиальной оппозиции между «действительным» и «фиктивным» капиталом, невозможность их четкого разграничения. Однако, как справедливо указывает С. Жижек, нельзя не учитывать, что такое противопоставление в пределах капиталистической формации неуместно; поэтому «нужно полностью отвергнуть (протофашистское, если на то пошло) противопоставление финансово-спекулятивного капитала «субстанциональной» экономике капиталистов, участвующих в производственной деятельности: при капитализме процесс производства совершается только окольным путем в спекулятивном процессе порождения деньгами еще больших денег» [6, с. 415].

Одной из важнейших заслуг Маркса стало наблюдение, согласно которому потребительная стоимость в условиях капитализма не может являться мерой меновой стоимости. В то же время он с уверенностью утверждал, что «не обмен регулирует величину стоимости товара, а наоборот, величина стоимости товара регулирует его меновые отношения» [7, с. 73]. Однако последующая практика продемонстрировала множество очевидных исключений из этого правила, которые экономисты стали называть «эффектом присоединения», «эффектом сноба», «эффектом Веблена» и другими «эффектами». В результате возникло множество попыток переосмысления приведенной закономерности. Например, С. Лэш отмечает следующее: «В информационном обществе средства производства уступают свое центральное место инструментам коммуникации, а производственные отношения — отношениям, возникающим в процессе обращения. Политика становится борьбой не вокруг накопления, а вокруг обращения. На первый план выходит даже не производство символов, а их движение» [8, с. 112]. Мы позволим себе согласиться только с тезисом о символической природе современных экономических отношений и с тем, что экономическая и политическая борьба перестала происходить вокруг накопления, поскольку зрелым формам капитализма сопутствует как раз проблема перенаконения. В остальном же, по нашему мнению, центральное место в современном капитализме занимает именно производство в самом широком смысле слова, в том числе и «производство желаний».

Наиболее ярко аналогия товарного производства и «желающего» производства была приведена Ж. Делезом и Ф. Гваттари в книге «Капитализм и шизофре-

Л. А. Сандюк, А. Е. Патлатой

ния. Анти-Эдип». По мнению этих авторов, капиталистический способ мышления сознательно разделяет «абстрактный труд» и «абстрактное желание», которые, в сущности, являются явлениями одного порядка: «Психоанализ берет на себя этот второй термин, тогда как политическая экономия занимается первым» [9, с. 478]. При этом «желающие машины» неизменно существуют в рамках «общественных машин» и, следовательно, «производство желаний» неизбежно подчинено законам капиталистического производства. Этим, пожалуй, можно объяснить «сексуальную» привлекательность, которую Ф. Джеймисон приписывает таким отталкивающим, по его мнению, явлениям, как бизнес, предпринимательство, частная собственность и т. п. [5, с. 309].

Согласно концепции «шизоаналитиков», капитализм вместе с психоанализом на какое-то время раскодирует потоки либидо и труда, чтобы после зашифровать их уже в новой форме. Однако эти постоянные метаморфозы не способствуют истинному освобождению человека. Напротив, усиление значения символического обмена создает предпосылки возникновения и развития «общества контроля». Объяснение такой закономерности можно отчасти найти в этнографии. Дело в том, что только в «примитивных» обществах собственно экономическая и символическая функция обмена четко разделены (например, у жителей Тробриандских островов они выступают соответственно в форме гимвали и кулы). В остальных случаях такого разделения нет. В условиях же развитого капитализма эта особенность приобретает новое значение. Перенакопление богатства и перепроизводство товаров загоняет экономическую систему в тупик, приводя ее к императиву перераспределения общественного дохода и необходимости «производства» дополнительных общественных потребностей. Таким образом, потребности человека, породившие обмен и экономические отношения, теперь сами находятся под контролем своего «детища», все более приобретая символический характер. Поэтому среди потребностей, создающихся каждое мгновение в современном информационном поле, уже крайне трудно выделить первичные и вторичные. «Превращенная форма превращенной формы», симулякр, выступает тут (пользуясь терминологией М. Мамардашвили) не столько восполняющей, сколько замещающей формой. Такое положение вещей позволяет Ж. Бодрийяру выдвинуть гипотезу о том, что потребительную стоимость уже нельзя считать в полной мере продуктом конкретного труда: «потребности... в действительности являются эквивалентом абстрактного общественного труда: на них основывается система потребительной стоимости точно так же, как на абстрактном общественном труде основывается система меновой стоимости» [11, с. 179].

Результатом подобных превращений становится усиление контроля над личностью со стороны разного рода социальных кодов. По мнению многих мыслителей постмодерна, увеличение роли образования в обществе, вовлечение в общественную жизнь некогда бесправных людей, повышение доходов населения во многих странах являются следствием не гуманизации общества, а экспансии капитала. По мере развития капитализма, становится крайне важным привлечение новой рабочей силы и (что самое главное) новых потребителей. В знаменитой работе «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяр отмечает, что «принудительная социализация» является фактором, деформирующим человека, являющимся репрессией против его сущности. Исследователь во многом развенчивает представления Маркса о свободном времени как критерии благосостояния общества, поскольку как в рабочее, так и в нерабочее время человек находится под воздействием социальных и культурных кодов: «труд — также и в форме досуга — заполняет всю нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься во время

Метаморфозы социально-экономических отношений капитализма

и в месте, предписанных вездесущим кодом. Люди всюду должны быть представлены к делу — в школе, на заводе, на пляже, у телевизора или же при переобучении: режим постоянной всеобщей мобилизации» [12, с. 5].

Однако многие исследователи замечают, что и сам капиталист (сегодня к этой категории можно добавить и менеджеров высшего звена) не обладает полной свободой и независимостью. По мнению С. Жижека, сознание капиталиста находится во власти бессознательных импульсов, еще более сильных, чем желание, импульсов влечения: «желание основывается на своем конститутивном отсутствии/нехватке, тогда как влечение циркулирует вокруг дыры, этого разрыва в порядке бытия... Влечение присуще капитализму на более фундаментальном, системном уровне — это то, что движет всей капиталистической машиной, это безличное побуждение участвовать в бесконечном круговом движении расширенного самовоспроизводства» [6, с. 409].

Необходимо отметить и тот факт (на который обращал внимание и сам Маркс), что по мере развития капитализма в орбиту капитала вовлекаются все новые сферы общественной жизни. Например, личностное развитие человека становится инвестицией, здоровье и способности — капиталом, а информация (в самом широком смысле) приобретает статус важнейшего и ценнейшего товара. Ф. Джеймисон называет такие трансформации базовых общественных категорий «перекодированием». Рассматривая модель Гэри Беккера (лауреата Нобелевской премии по экономике), характеризующую семью с точки зрения производственной единицы, отношения внутри которой подчинены принципу максимизации полезности, Джеймисон замечает, что «такие феномены, как свободное время, личностные качества начинают истолковывать как сырье» [10, с. 304].

В то же время многие классические экономические категории в эпоху символического обмена превращаются в знак, потерявший свою референцию. По словам Ж. Бодрийяра, «уничтожение всякой целевой установки производства позволяет ему функционировать как код, а денежному знаку — пуститься, например, в ничем не ограниченные спекуляции, без всякой привязки к производственным реальностям и даже к золотому эталону» [12, с. 52]. Этот факт приводит к тому, что в современной экономике многие реальные запасы обмениваются на «пустые знаки» (например, доллары США), еще больше смешивая собственно экономический и символический обмен, приводя к принципиальной невозможности их разделения.

Итак, усложнение системы капиталистических отношений приводит к усилению влияния различного рода превращенных форм на особенности функционирования самой системы. Результатом этого процесса является «замещение» превращенными формами реальных объектов, невозможность разделения вещей реального и символического порядка, потеря человеком самоидентичности в океане социальных кодов, порождаемых современным информационным пространством. К. Маркс дал науке ключ к постижению социально-экономических отношений, однако метаморфозы этих отношений породили множество новых, до конца не исследованных закономерностей. В этой связи М. Фуко не случайно называл К. Маркса и З. Фрейда «творцами дискурсивности», т. е. учеными, открывшими необозримое пространство для новых исследований, а не первооткрывателями незыблемых и внеисторических законов.

Вывод. Современные междисциплинарные социально-экономические исследования требуют дальнейшего расширения методологического инструментария и преодоления многочисленных «застывших» представлений, что позволит находить адекватные теоретические и практические ответы на вызовы эпохи позднего капитализма. Важным, но далеко не последним шагом к достижению этой цели и выступила философия постмодерна во всем своем многообразии.

Л. А. Сандюк, А. Е. Патлатой

Литература

1. Деррида Ж. Призраки Маркса / пер. с фр. Б. Скуратова. — М.: Левая карта, 2006.
2. Мамардашвили М. Превращенные формы [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/mmk/forms.html>
3. Ильенков Э. Идеальное // Философская энциклопедия. — М.: Советская энциклопедия, 1963. — Т. 2. — С. 219—227.
4. Эпштейн М. Техника — религия — гуманистика. Два размышления о духовном смысле научно-технического прогресса // Вопросы философии. — 2009. — № 12. — С. 19—29.
5. Маркс К. Капитал. Том третий. — М.: Политиздат, 1975.
6. Жижек С. Устройство разрыва. Параллаксное видение / пер. с англ. А. Смирнова, Г. Рогояна, С. Кастальского, А. Олейникова. — М.: Европа, 2008.
7. Маркс К. Капитал. Том первый. — М.: Политиздат, 1983.
8. Lash S. Critique of information. — L.: Thousand Oaks, 2002.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
10. Джеймсон Ф. Постмодернизм, або Логіка культури пізнього капіталізму / пер. з англ. П. Дениска. — К.: Курс, 2008.
11. Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкина. — М.: Академический проект, 2007.
12. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М.: Добросвет, 2000.

Сандюк Л. А.,

канд. філос. наук, доцент,
Одеський державний економічний університет,
кафедра філософії;

Патлатой О. Е.,

магістр,
Одеський державний економічний університет

МЕТАМОРФОЗИ КАПІТАЛІСТИЧНИХ СОЦІАЛЬНО-ЕКОНОМІЧНИХ ВІДНОСИН У ДЗЕРКАЛІ ПОСТМОДЕРНІЗМУ

У статті розглянуті особливості соціально-економічних трансформацій періоду пізнього капіталізму та їх віддзеркалення у дискурсі філософії постмодерну. Проаналізовані характеристики категорії «перетворена форма», її роль у відтворенні суспільних відносин. У статті описані механізми впливу принципу символічного обміну на зміни ролі людини у суспільстві.

Ключові слова: соціально-економічні відносини капіталізму, філософія постмодерну, перетворена форма, символічний обмін.

Метаморфозы социально-экономических отношений капитализма

Sandyuk L. A.,
PhD in philosophy, Assistant professor,
Odessa State Economic University,
Philosophy Department;

Patlatoy A. E.,
holder of Master degree,
Odessa State Economic University

**METAMORPHOSES OF CAPITALIST SOCIOECONOMIC RELATIONS
IN THE MIRROR OF POSTMODERN PHILOSOPHY**

The article describes the features of the socioeconomic transformations in the era of late capitalism and their reflection in the discourse of Postmodern philosophy. The characteristics of the category «transmuted form» and its role in the reproduction of social relations have been analyzed. The mechanisms of influence of the symbolic exchange principle on the mutation of the human role in society have been considered in the article.

Keywords: capitalist socioeconomic relations, Postmodern philosophy, transmuted form, symbolic exchange.